

Могу быть интеллигентом и хулиганом

Звезда театра и кино Геннадий Бортников — кумир шестидесятых, семидесятых, восьмидесятых... В кино на его счету — “Взрослые дети”, “Москва — Черемушки”, “Наши дом”, “Взорванный ад”, “Братья Рико”, на сцене — “Преступление и наказание”, “Глазами клоуна” и другие спектакли, “лишнего билетика” на которые спрашивали уже на дальних подступах к театру. Как сказал сам Геннадий Леонидович: “Ни одну свою роль я не сыграл менее ста раз”. Это в театре. Кино же не очень-то баловало актера. Можно только сожалеть о том, сколько в связи с этим упущено и актером, и зрителями. Это тема для размышлений.

— Геннадий Леонидович, вы ведь до обидного мало снимались в кино?

— Я не считаю, что мало. Предпочтение все время отдавал театру, и кино было для меня если и не хобби, то занятием в свободное время. Вспомним первую половину моей службы в Театре имени Моссовета: я был занят 28 дней из 30 в месяц. А начинал сниматься я очень бурно: предпочитал тратить силы на большие роли. В моем послужном списке 15 работ — думаю, этого достаточно.

— Вы как-то говорили, что во “Взрослых детях” снимались по большому секрету. Это как получилось?

— Я был студентом Школы-студии МХАТа. Порядки там были пуританские, и студентам, пока они не достигли четвертого курса, сниматься не разрешалось. А если ты срывал при этом какие-то занятия, тебя отчисляли.

Учился я на втором курсе, сняться мне хотелось очень, и я договорился и с режиссером Вилленом Азаровым, и с директором картины, чтобы никто не знал о том, что я снимаюсь. Роль была второго плана — играл я друга героев Демьяненко и Алешинковой, — и думал, что все проскочит незаметно. Как на зло, когда вышел фильм, моя фамилия стояла первой в титрах после “стариков” — Федоровой и Санаева, и на афишах красовалась моя физиономия.

Скандал был страшный, хотели даже отчислить “в порядке наказания”. Но за меня заступилась комсомольская организация.

Так и началась моя карьера в кино.

— А как вы вообще пришли к творческой деятельности?

— Я всегда ходил с блокнотом и с карандашом, и меня больше привлекало изобразительное искусство. Я рисовал в школе, причем все — соучеников, вожатых, учителей, за что иногда в воспитательных целях получал даже плохие оценки. Достаточно побродил и по галереям и музеям Москвы и Петербурга. Считал, что буду вторым Рафаэлем или Микеланджело, передвижники

меня не привлекали. И вот однажды кто-то из моих дворовых приятелей сказал, что недалеко есть драмкружок. Я туда из интереса пришел, думая, что и там буду художником. Действительно, сначала я там что-то оформил, но потом мне предложили одну роль, затем — другую, и я этим увлекся. Потом пришел в Суриковский институт, но мне там не понравилось. Я направил свои стопы в театральный, где была более независимая обстановка, и как-то случайно меня сразу допустили на третий тур конкурса во ВГИК, в ГИТИС и в Школу-студию МХАТа. Я выбрал МХАТ.

— А правда, что вы трудились на ГПЗ-1?

— Был такой факт в моей биографии. В целях воспитания меня направили учиться в Машиностроительный техникум имени Дзержинского. Практику я, естественно, отрабатывал на заводе. Потом, когда я не захотел учиться, работал на ГПЗ-1, потом опять вернулся в техникум. Мое пребывание на заводе, короткое по времени, но сильное по эмоциям, закончилось через год с небольшим.

— Вернемся в Школу-студию МХАТа. Вы ее заканчиваете. Вроде бы прямая дорога лежит в Художественный театр. Вы же туда не идете. Почему?

— Знаменитый Михаил Кедров, у которого я учился, уже тогда начинал готовить гоголевского “Ревизора” и предлагал мне роль Хлестакова — дублировать Вячеслава Невинного. Но мхатовские “старички” мне как-то между делом сказали: Кедров обычно репетирует свои работы по три-пять лет. Ты три года будешь репетировать, засохнешь, и неизвестно, что потом с тобой будет.

Эта капля яда подействовала. Я походил по московским театрам. Одно из предложений поступило из Театра имени Моссовета.

Я тогда как раз начинал пробовать на “Мосфильме” у Михаила Калатозова в фильме “АБВГД” по сценарию Виктора Розова. Сценарий этот был запрещен, и вдруг он оказывается в Театре имени

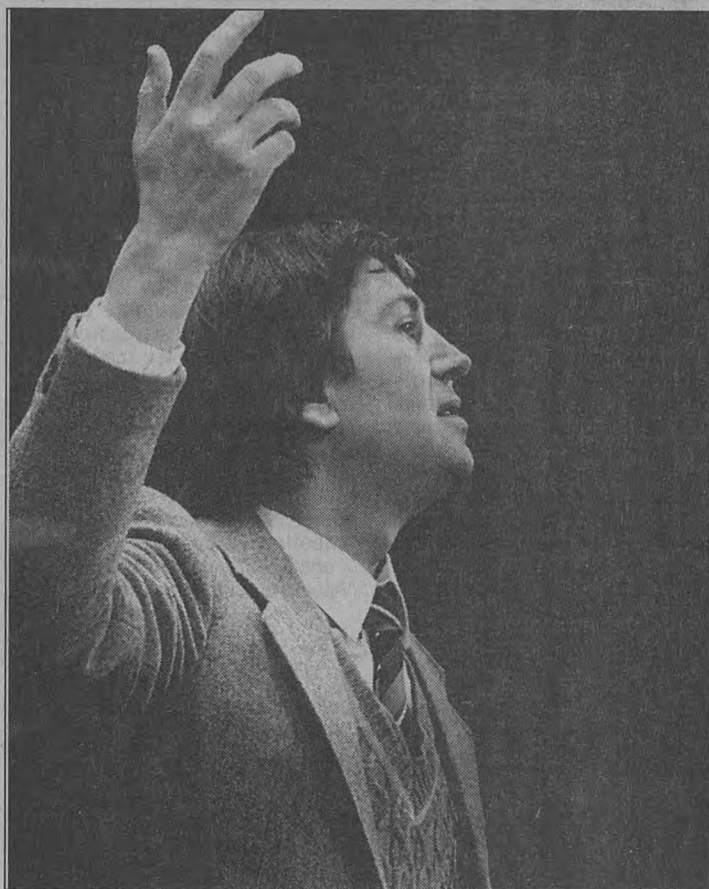

Фото А. ЭПШТЕЙНА

Моссовета! Раздумий у меня не было. Я сразу пришел, стал репетировать, и в том же году была премьера розовской пьесы “В дороге”. В театре тогда было созвездие актеров, которых я очень любил по кино, — Плятт, Марейская, Орлова...

— И как же вас приняло это созвездие?

— Очень доброжелательно. Я пришел сразу на большую роль, ко мне было привлечено внимание. В первом моем спектакле играл Ростислав Плятт, и играл он небольшую роль моего отца. В коллектив я вошел совершенно безболезненно.

Потом Завадский дал мне “на сопротивление” роль солдата в пьесе Исидора Штока “Объяснение в ненависти”. Играл Раскольникова, играл в пьесах Штейна, Розова, хорошая роль была в “Дядюшкином сне”. К сожалению, не осуществился Гамлет: Завадский не выдюжил, но вот Раскольников — это крупная работа, гремевшая по всему Союзу.

Если судить по названиям, по разнообразию ролей, которые мне выпадали, то многие актеры моего поколения могут мне позавидовать. Но те паузы, которые начались после ухода Завадского, конечно, огорчают. Стали возникать какие-то сложности, мне

предлагали пьесы, которые я считал ниже своего уровня.

— А что было, по вашему мнению, за последнее время интеллигентного?

— Мое последнее обращение к Достоевскому — “Братья Карамазовы”. Знаменательно то, что удалось сделать так, чтобы я играл сразу две роли — Смердякова и черта. В театре это бывает редко, и надейся, что это мне удалось.

Были и другие театры. Когда у меня возникала пауза, я уходил в другой театр.

Последняя работа — пьеса Дюма-Сартра “Кин, или Гений и беспутство”. Пьеса меня не очень устраивала, но я согласился: все-таки это биография великого английского актера, написана она с долей юмора и долей романтизма. Спектакль этот я и играл в последние годы — более ста раз.

— А что в перспективе?

— После “Кина” возникла пауза, и я решил, если можно так выразиться, “перезагрузить” некоторые свои работы.

В последние месяцы 1997 года я сыграл в концертном варианте “Случай в зоопарке” — вместе со своим партнером из Театра имени Моссовета Евгением Данчевским.

Вспомнил “Маленькие трагедии”. Вместе с пушкиноведом, академиком Михайловой мы сде-

лали спектакль “с комментариями”. Я играю и Вальсингама, и Дон Гуана, и Скупого рыцаря, и Моцарта.

И вот буквально перед Новым годом я, будучи любителем экспериментов, освоил новую площадку — в кафе “Ностальжи”. Вернулся к спектаклю “Глазами клоуна”.

Работа была непривычная — играть, когда люди сидят за столиками, сложновато, но я рискнул. И задействовал джаз-оркестр.

— А в кино ничего нового не предлагают?

— Ну вы же знаете, какое сейчас положение.

Я снялся в начале 1995 года в фильме по Набокову — “Безумной страстью я сама к тебе пылала”. Сыграл главную роль, но фильма на большом экране так и не увидел. Случайно я купил в подземном переходе кассету с ним.

— В вашей семье кто-то имел отношение к искусству?

— Нет. Все моя личная инициатива, “Божий промысел”. Я вообще человек небогатый. И в молодости, и сейчас я овеян некоторым ореолом таинственности, который создавался совершенно искусственно. Интересы у меня самые разные. Отсюда появились и Бортников-режиссер, и Бортников-оформитель спектаклей, и т.д. И эта моя “всеядность” и порождает некоторую мою бытовую таинственность.

Что касается моей семьи, то она очень большая. Целый клан от мала до велика носит фамилию Бортниковых.

Я живу один, люблю одиночество. Иногда после каких-то шумных спектаклей или концертов я позволяю себе собрать у себя или родственников, или друзей, хорошо с ними выпить, поговорить о ерунде, похихимить, поругать Ельцина, Зюганова. Можно покричать о нашей невыносимой жизни и тут же сказать, что мы так все-гда жили, и каждый независимый человек должен находить прекрасное для себя даже в самом невыносимом дне.

Кстати, это и помогает мне жить. Я могу быть грустным и веселым, могу быть интеллигентом на приеме в посольстве и хулиганом в толпе. Все это образует круг моей семейной и личной жизни.

Все, что у меня в жизни произошло, дает мне уверенность, что время моей жизни не ушло даром, и я горжусь этим.

Я знаю и горести, и радости, и маленькие победы нормальных людей, которым живется сейчас очень тяжело.